

УДК 811.221.18

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОСЕТИНСКОЙ ЭССЕИСТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К.

ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева» ВНЦ РАН и Правительства РСО-А, Владикавказ, e-mail: soigsi@mail.ru

В статье рассматриваются лингвистические особенности эссеистического жанра, стилистические средства и приёмы, виды прецедентного текста и фигуры речи, используемые в осетинской эссеистической публицистике. В ряду жанрообразующих характеристик эссе введение прецедентного текста понимается как возможность выхода в общекультурный контекст фоновых знаний адресата. Термин «прецедентность» и его дериваты являются одними из наиболее активно употребляемых в последнее время в теоретической и прикладной филологии. На широком фактическом материале проанализированы виды прецедентных феноменов и различные художественные средства, с помощью которых достигается повышенная модальность эссеистического текста, являющаяся отражением субъективности тех или иных авторских характеристик. В качестве прецедентного текста выступают цитаты из известных произведений классиков осетинской художественной литературы, героического эпоса осетин «Нарты», устного народного творчества, особенно афористических жанров фольклора.

Ключевые слова: эссе, прецедентный текст, прецедентный феномен, автопрецедент, социумно-прецедентные феномены

GENRE AND STYLISTIC PECULIARITIES OF THE OSSETIAN ESSAYISTIC SOCIAL JOURNALISM

Gatsalova L.B., Parsieva L.K.

The federal state – financed establishment of science of the North Ossetian Institute for humanitarian and social research by name VI Abaev, Vladikavkaz scientific center of the RAS and the Government of the Republic North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, e-mail: soigsi@mail.ru

The article deals with the linguistic features of essay genre, stylistic means and techniques, types of precedent text and figures of speech used in the Ossetian essayistic journalism. In a number of genre forming characteristics the essay introduction of the precedent text shall be understood as the possibility to enter the cultural context of the background knowledge of the recipient. The term «precedentiality» and its derivatives are recently among the most actively used in theoretical and applied linguistics. Different types of precedent phenomena and various artistic means, with the help of which the high modality of essay text is achieved, are analyzed on a wide factual material. Essay text is a reflection of the subjectivity of one or other author's characteristics. As a precedent text are used quotes from famous works of the Ossetian classical literature's writers, Ossetian epos «Narti» and folklore, especially from its aphoristic genres.

Keywords: essay text, precedent-related text, precedent-related phenomenon, avtoprecedent, sociumno-precedents phenomenon

Жанр эссе успешно функционирует в осетинской публицистике. К нему регулярно обращаются Исмаил Айларов, Борис Гусалов, Чермен Айларов, Ахсар Кодзати и др. Темы эссе, являясь довольно абстрактными (например, о терроризме, о совести, о национальном самосознании), выступают не как самосушие и очень широкие понятия, а как предметно очерченные, частные, приобретают конкретность волею самого автора. Проблематика жанра у них рассматривается не в упор, как в научном сочинении, а служит лишь предлогом для разворачивания мысли [1].

Традиционно многие произведения эссеистики (у Монтеня 87 из 107 его «опытов») носят названия с предлогом «о»: «О запахах», «О боевых конях», «О большом пальце руки» и т.д. – это своеобразная формула жанра, предлагаемый угол зрения. В осетинской эссеистике эта традиция не соблюдается; например, у анализируемых нами эссе заглавия: «Æфсарм» – «Совесь» Б. Гусалова (можно было назвать «Æфсармы

тыххæй» – «О совести» – суть бы не поменялась, а традиция была бы строго соблюдена), «Рæстæг – нæ ирвæзынгæнаг» – «Время – наш спаситель» И. Айларова, «Уды монолог» – «Монолог души» Ч. Айларова, «Æнæкæрон сæребарæ – æ пайдайæй æ зæранæй кæци фулдæрæй?» – «Бесконечная свобода: чего больше – пользы или вреда?» А. Короева, «Ау, Елхоты онг дæр нæ хъæуы?» – «Неужели и до Эльхотово не нужен?» А. Кодзати.

Порядок в эссе часто сломан, одно перебивает другое, создавая некую зигзагообразность мыслительного рисунка и сбивчивость речевой интонации. Особенно ярко мы видим это в эссе Б. Гусалова «Совесь». Однако все эти слабости не от некомпетентности или забывчивости автора – они являются содержательным эквивалентом формальных свойств жанра, их психологической подоплекой. В своих размышлениях о природе человеческой совести Б. Гусалов никуда не уводит, а, наоборот, до конца стоит на почве настоящей действительности,

приводя свою концепцию в подлинное время и незавершенную ситуацию собственной жизни.

Нельзя сказать точно, какова специфика эссе «Æфсарм» Б. Гусалова или «Рæстæг – нæ ирвæзынгæнæг» И. Айларова – философское оно или критическое, историческое или автобиографическое – это всё сразу.

Эссе «Ау, Елхоты онг дæр нæ хъæуы?» А. Кодзати – «моральная проповедь» и «философский трактат», умозрительное построение и бытовая зарисовка – все это входит в возможности эссеистического жанра, единственная «обязанность» которого состоит в том, чтобы одновременно и попеременно пользоваться всеми этими возможностями, не абсолютизируя одну из них. «Многожанровость и даже междисциплинарность – не только право, но и долг эссеистического творчества» [8]. Эссе держится как целое именно на энергии таких переходов.

Одним из характерных признаков эссе является введение прецедентного текста. В ряду жанрообразующих характеристик эссе оно понимается как возможность выхода в общекультурный контекст фоновых знаний адресата. Термин «прецедентность» и его дериваты являются одними из наиболее активно употребляемых в последнее время в теоретической и прикладной филологии. Толчком к этому послужило введение Ю.Н. Карауловым понятия *прецедентного текста*, под которым понимались тексты,

«1) значимые для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношении;

2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие;

3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [3].

Вслед за понятием прецедентного текста вводится понятие *прецедентного феномена* и *прецедентной ситуации* [5], *прецедентного высказывания* [4], *прецедентного имени* [2].

Прецедентные феномены – это те вербализуемые в коммуникации единицы, реализация которых влечет за собой некоторую апелляцию к чему-то известному, некоторому факту, который за ним стоит [6]. Различным уровням сознания соответствуют разные виды прецедентных феноменов: автопрецедентные, социумно-прецедентные, национально-прецедентные, универсально-прецедентные.

Автопрецеденты представляют собой отражение в сознании индивида некоторых феноменов окружающего мира, обладающих особым познавательным, эмоциональным, аксиологическим значением для данной языковой личности, связанных

с особыми индивидуальными представлениями, включенными в неповторимые ассоциативные ряды.

Социумно-прецедентные феномены известны любому среднему представителю того или иного социума и входят в коллективное пространство. Если такой социум ограничен рамками семьи, то прецеденты этого типа могут сближаться с автопрецедентами. Границы группы могут быть, конечно, значительно шире, но она в любом случае обладает определенным набором прецедентов, характерных только для нее. Так, текст Евангелия является безусловно прецедентным для любого представителя христианского социума; например, рассказ о Лазаре известен всем членам указанной группы и связан у них с определенными представлениями вне зависимости от национальной или конфессиональной (внутри христианства) принадлежности, в то же время для японцев этот текст не обладает статусом прецедентного. То же и прецедентные слова из профессионального социума. Национально-прецедентные феномены известны любому современному представителю того или иного ЛКС и входят в когнитивную базу этого сообщества [7]. Универсально-прецедентные феномены известны любому современному полноценному человеку и входят в универсальное когнитивное пространство человечества.

К числу прецедентных высказываний принадлежат *цитаты*. Например, в эпиграфе эссе А. Кодзати слова Сергея Довлатова: «На чужом языке мы теряем восемьдесят процентов своей личности». В самом же тексте приводятся слова Ахмета Цаликова: «Тридцать лет тому назад (революция: ныймайгайæ – Хъ. Æ. – считая от революции – А.К.) жизнь осетина, жившего натуральным хозяйством, была нормирована написанным законом – обычаем. Обычай предусматривал каждый его шаг от колыбели до могилы. Но этот трафарет стал портиться от соприкосновения горского аула с русским городом. Обычай перестал попевать за жизнью. Вот где начало гибели худинага». Далее – слова Н. Бердяева: «За ошибки государственных деятелей расплачивается нация», Л. Бриедиса: «Говоря об оккупированных народах, странах и государствах, мы должны говорить и об оккупированных языках, культуре, об оккупации и духа, и личности, а скинуть такую оккупацию будет труднее всего». И еще множество других цитат.

Очень часты в эссе осетинских публицистов и цитаты из произведений великого осетинского писателя К.Л. Хетагурова. Например: «*Нæ зонд – цыбыр, магуыр – нæ зардæ*», «*æрцауæг æлдæгæй, тыхгæнæг хæддзуйæ*», «*мард нын нæ уадзынц, нæ хæхтæ нын байстой*» «*не знаг нæ былмæ*

фæтæры», «*Цы номæй дæм бадзурон, уый ма мын зæгъ*» (у А. Кодзати).

Активно в эссе используются и афористические жанры осетинского фольклора. Например:

– пословицы: «*Æдзæсгом лæгæн бирæ æнтысы*» – «Наглый человек способен на многое» (ср.: русс. «наглость – второе счастье»); «*Кæй уардоны бадай, уый зарджытæ кæн*» – «В чьей арбе сидишь, те песни и пой»; «*Кæнæ – тас, кæнæ – æфсарм*» – «Либо страх, либо совесть» (Б. Гусалов); «*Ирон æвзаг Елхотæй дарддæр нæ хъæуы*» – «Осетинский язык дальше Эльхотова не нужен» (А. Кодзати).

– поговорки: *искаей зæрдæхудт райсын* – нанести обиду, *хионы хъыджы бацæуын* – сделать больно близкому человеку (Б. Гусалов); *сар сæрма хæссын* – ценить (А. Кодзати); *чидæр хæрæг уасынæн куыд дардта, афтæ* – подобно тому, который держит осла для крика; *судзыныл æрбадын* – сесть на иглу; *сæ сæрты мæргъ атахын дæр нæ уæндыд* – над ними даже птица боялась лететь (Ч. Айларов).

Прецедентная ситуация – некая «эталонная», «идеальная» ситуация с определенными коннотациями. Ярким примером прецедентной ситуации может служить ситуация предательства Иудой Христа, которая понимается как «эталон» предательства вообще. Имя Иуда становится прецедентным и приобретает статус имени-символа. Например: «*Зæронд зарæджы ныхæстæй: «Хæсты бон, дам, уæдæ Хазбийы зæрдыл цæсгом лæууы*» – «Из слов старинной песни: «Во время войны на сердце Хазби (осетинского народного героя) совесть держится» (Б. Гусалов).

Отражением субъективности тех или иных авторских характеристик является повышенная модальность эссеистического текста, достигаемая различными художественными средствами:

1. Использование лексики различных стилистических пластов:

а) общеупотребительной или нейтральной. В рассматриваемых здесь эссе их множество. Они составляют основу каждого текста;

б) общественно-политической. Так как темы анализируемых эссеистических произведений актуальны и социально значимы, таких лексем в них очень много: *æхсæнадон-социалон тыхтæ* «общественно-социальные силы», *фыдæнæг къордтæ* «бандитские группировки», *паддзахады разамонæг* «глава государства» (И. Айларов), *паддзахадон арæнхъахъæнджытæ* «государственные пограничники», *паддзахадон арæн* «государственная граница», *милицæ* «милиция», *æфсад* «армия» (Ч. Айларов), *депутатты æвзарытæ* «выборы депутатов», *рухсæды министр* «министр просвещения», пре-

зидент, *прокуратурайы кусæг* «сотрудник прокуратуры», (А. Кодзати);

в) эмотивной: *æнахайыры иртæстытæ-йедтыл дзурæм* «говорим о всяких там бесполезных исследованиях», *гормæттæ, [закъон] бардызтой* «кастрировали [закон]», *мах стæм селгъаг цагъартæ* «мы – никчемные рабы», *нæ куыдзы бон зонæм æмæ йыл хъæцæм* «знаем своё собачье место и терпим», *æнæджелбетт, æнæчетар чиновниктæ* «бездарные, безнравственные чиновники», *цы мæрддаг стæм?* «что мы за люди?» (А. Кодзати);

г) устаревшей: *иналар-фельдмаршал* «генерал-фельдмаршал», *иналар-губернатор* «генерал-губернатор», *султты* «полоска продывленной кожи к чувякам» (А. Кодзати).

2. Использование стилистического параллелизма: «*Нæ гуыбыны хъуыр-хъуырæй нæм не 'фсармы удисæр хъæрт кæй нæ хъуысы, уый*» – «То, что из-за урчания в животе нам не слышны крики совести» (Б. Гусалов).

3. Использование стандартизированных штампов, застывших словесных формул, определений: *æрдзон-æхсæнадон тыхты ахæсты* «в плену природно-общественных сил», *рæстаг кусæг адам* «честные труженики»; *историйы талынг къуымты* «в темных уголках истории»; *Уæрæсейы талынгдæр, рæбинагдæр къуымты* «в самых темных, отдаленных уголках России», *ныллаууæм раст фæндагыл* «встанем на правильный путь» (И. Айларов).

4. Использование различных стилистических фигур:

– метафор («*Фæлæ, дам, нал ис, нал, зноны хур абоныл дæр скаеса, уымæн уæвæн* – *историйы уæрдон, рæстæджы цыд цæлхдур нæ зоны*» – «Но, говорят, не может вчерашнее солнце светить сегодня, карета истории, движение времени не знает препятствий» – Б. Гусалов, «*Хæфс дæр ма калмы хъæлæсмæ уасæ æмæ удхаргæнгæ фæбыры*» – «Даже лягушка, попадая в глотку змее, кричит и мечется» А. Кодзати);

– парафраз (*скифтæ æмæ аланты байзæддæгтæ* «потомки скифов и алан [осетины]»);

– иронии («*Цыбыр ныхасæй, адамæн хъæуæй паддзахадмæ хъæуы уынаффæдон, уым та – уынаффæйы рæстаг лæгтæ иугæндзоны хæрзаудæн æмæ æрхъуыдыджындæрæй*» – «Коротко говоря, людям от села до государства нужны советы, а в них – честные советчики все сплошь чуткие и душевные» И. Айларов; *цивилизацихъæстæ æхсæнад* «общество, слегка тронутое цивилизацией» А. Кодзати);

– сравнения («*Советон хицауад куы фехæлд, социалистон бæстæтæ капиталистон цардыуагыл куы ныххæйдысты, уæд сарæх сты, фæскъæвдайы маргъæстæ зокъ-*

отаву, бенладентæ, масхадовтæ æмæ басаевты лæгмар тугмондаг къордтæ» – «Когда развалилась Советская власть, когда страны социализма вцепились в капиталистический строй, тогда появились, как ядовитые грибы после дождя, банды кровавых убийц бенладанов, масхадовых и басаевых» И. Айларов).

5. Использование риторических приемов: – риторических вопросов («*Æмæ хъуыды кæнын: зæххы цъарыл ма дыккаг ахæм адæм ис, махау сæр сæрмае чи нæ хæссы?*») – «И думаю: есть ли еще на земле народ, который настолько себя не ценит?»; «*Ирон æвзаг паддзахадон хæстæ æххæст кæнынмæ йæхигъдауей сцæттæ уыдзæн?*») – «А сможет ли осетинский язык сам подготовиться для выполнения функций государственного языка?»; «*Нæ сыхæгты уæддæр нæ уыди бафæзмæн?*») – «А не могли ли мы брать пример хотя бы с наших соседей?» А. Кодзати);

– синтаксического параллелизма («*Фыдгæнаг адæмæн вæййы фыдгæнаг паддзах, хæрзгæнаг адæмæн – хæрзгæнаг паддзах*») «У злого народа бывает злой царь, у хорошего – хороший» И. Айларов; «*Ноджы ма цы уæрдонны бабадай, уый хицауы зарджытæ æндæр куы уой; цы æхсæнадбалмæ бахауай, уый бирæгъты бал куы уа, уæд*») – «Да еще если сел в чью-то арбу, а у хозяина ее другие песни; если попал в общество-стаю, а она – волчья» Б. Гусалов);

– повтора ключевых слов («*Стыр мардæрцыдæн стыр адæм хъæуы*») – «Великое горе посильно лишь великому народу» И. Айларов; «*Бирæ азты дæргъы тыхæй садзгæ зонды æхсарæй адæм цардысты, алцыдæр сæ цардæн цас тæссаг у, уый баргæйæ. Сныхас – тæссаг. Зулмæ фæкæст – тæссаг. Æнархъуыдыйы бахудт – тæссаг. Хорз лæг уæвын – тæссаг. Курдиат – тæссаг. Æхсæны хъуыдагыл æнувыд – тæссаг. Дæ дзыхыл хæцын æмæ дзырд нæ хæссын – тæссаг. Хи адæмы, хи æгъдау, хи æфсарм, хи æвзаг, хи культура... дæхи ирон уарзын – тæссаг. Тæссаг...»* – «Долгие годы люди жили под внушением того, что опасно в жизни все. Говорить – опасно. Косо взглянули – опасно. Несторожный смех – опасно. Быть хорошим человеком – опасно. Просить – опасно. Общественно активен – опасно. Молчать и не доносить – опасно. Любить свой народ, свои обычаи, свой æфсарм (совесть, честь), свой язык, свою культуру... свое осетинское – опасно. Опасно» Б. Гусалов);

– использование прямого обращения к адресату («*Алчи дæр нæ йæхимæ куы байхъуса, йæхи зардæмæ куы ныккæса, уæд нын æнæбасæтгæнæй, куыд æнцонæй фæстасæм, куыд дæсны разынаем фæстагдæр нæхицæн алы æфсæнттæ ссарынмæ, ууыл*») – «Если каждый из нас прислушается к себе, взглянет в свое сердце, то убедится в том, как

легко мы уступаем, с какой легкостью находим потом причины» Б. Гусалов).

Во всех рассмотренных текстах ярко видна позиция автора, которому ничто человеческое не чуждо. Автор не теолог, не философ, не историк, не психолог, не политик, но человек, пробующий себя во всем, что его интересует и задевает как мыслящего и равнодушного гражданина; он, безусловно, моралист, взывающий к совести и разуму, поучающий, призывающий к нравственности и осуждающий порок.

Список литературы

1. Вашаева М.Л. Совершенствование связной русской речи учащихся осетинской национальной школы при обучении сочинению в жанре эссе: дис. ... канд. пед. наук. – Владикавказ, 2007. – 241 с.
2. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987. – С. 216.
4. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Карнавализация как характеристика современного состояния русского языка: лингвометодический аспект // Функциональная семантика языка, семиотика знаковых систем и методы их изучения: материалы межд. науч. конф. Ч.1. – М., 1997. – С. 23–24.
5. Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. O tempora, o mores! Новые структуры русской когнитивной базы // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. – М., 1996. – С. 107–120.
6. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. – М.: Флинта: Наука, 2004. – С. 153.
7. Хугаев И.С. Имманентные и внешние этнокультурные архетипы как факторы генезиса русскоязычной осетинской литературы // Научная мысль Кавказа. – 2009. – № 3. – С. 121–128.
8. Эпштейн М.Н. На перекрестке образа и понятия. – М., 1998. – С. 342.

References

1. Vashaeva M.L. Improving communication of Russian speech students Ossetian national school while teaching composition in the genre of the essay: Dics. Cand. ped. Science: 13.00.02 Vladikavkaz, 2007. 241 p.
2. Gudkov D.B. Case name and problem precedentnosti. M.: Publishing House of the mosque. Irkutsk, 1999.
3. Karaulov Y.N. Russian language and linguistic identity. M., 1987. pp. 216.
4. Kostomarov V.G., Burvikova N.A. Carnivalesque as characteristic of the current status of the Russian language: lingvomethodical aspect // Functional semantics, semiotics of iconic systems and methods of their study: int researcher Associate Professor. P. 1. M., 1997. pp. 23–24.
5. Krasnyh V.V., Gudkov, D.B., Bagaeva D.V. O tempora, o mores! New structure of Russian cognitive base // Lingvostylistic and lingvodidactic communication problems. M., 1996. pp. 107–120.
6. Prokhorov Y.E. Analytical Validity. The Text. Discourse. M.: Flynt: Science, 2004.
7. Khugaev I.S. Intrinsic and external cultural archetypes as factors in the genesis of Russian-Ossetian literature//scientific thought. 2009. no. 3. pp. 121–128.
8. Epstein M.N. At the image and concept. M., 1998. pp. 342.

Рецензенты:

Фидарова Р.Я., д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник, ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева» Владикавказского научного центра РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ;

Цопанова Р.Г., д.ф.н., профессор кафедры осетинского и общего языкознания, ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова», г. Владикавказ.

Работа поступила в редакцию 12.03.2013.